

Alexander Kerensky, the leader of the Russian Revolution. Therefore, based on the memoirs of the author, we tried to analyze this issue.

The author argues that the idea, prevalent in the Soviet historical science, that all the leaders of the White movement had a negative attitude towards Kerensky is incorrect. Military generals, who supported the White movement, actively criticized him for actions that were destructive for the Russian army. Many criticized him for that even when he already lived in exile. However, Generals Denikin and Alekseyev hoped that despite everything he would have been able to save the country from anarchy and prevent the Civil War.

Politicians, who supported the White movement, also believed that Kerensky could prevent the collapse of the army and the state. For example, V. Shulgin believed that Kerensky would become a "Russian Napoleon", who would put an end to the revolution and not allow the Bolsheviks to take the power. However, after the conflict between General Kornilov and Kerensky, which occurred in August 1917, the leaders of the White movement became disillusioned with him.

In addition, many of Kerensky's contemporaries, who supported him, perceived him as Napoleon. Since the style of his behavior and speech reminded them of the French Revolution, they believed that he would have just as strong personality as Napoleon Bonaparte had.

Finally, it should be noted that the lack of understanding by the White movement leaders in Southern Russia of the unique role Kerensky played in the political arena was one of the reasons for the country slipping down to the Civil War.

Одержано редакцією 10.02.2017
Прийнято до публікації 02.05.2017

УДК 323(47):930(410+73)

М. Шмигель

доктор історичних наук, професор
університету ім. М. Бела (Словаччина)

В.И. Меньковский

доктор історичних наук, професор
Білоруського національного університету

ЛЕНИНИЗМ И СТАЛИНИЗМ: ОБЩЕЕ И ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ В ОЦЕНКАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

В статье рассмотрена советология, развивавшаяся как быстрорастущая область американской академической жизни в 1950-х – 1960-х гг., к началу 1970-х гг. столкнулась с серьезными методологическими проблемами. «Теория непрерывности» ленинского и сталинского периодов советской истории вызвала ряд дискуссий в среде историков, часть которых («ревизионисты») стремились пересмотреть тоталитарную концепцию и идею линейного развития от большевизма к сталинизму.

Ключевые слова: революция 1917 г., ленинизм, сталинизм, большевизм, англо-американская советология, методология исторического исследования, историография.

Постановка проблемы. История революционных событий 1917 г. постоянно привлекала и привлекает внимание историков всего мира. Англо-американские исследователи-советологи не были исключением. Для них был интересен и сам революционный процесс, и его влияние на становление и развитие советского общества. Одной из самых дискутируемых проблем в англо-американской академической среде стал вопрос о реализации идей Октября, о реальном воплощении декларируемых принципов, соответствии (или не соответствии) советской практики и революционной теории, об общих и противоположных чертах ленинского и сталинского периодов советской истории.

Анализ последних исследований и публикаций. В классической западной советологии 1950-х – 1980-х гг. сложились две основные концепции советской истории, сохраняющие влияние на мировую историографию до сегодняшнего дня – тоталитарная, в которой ленинский и сталинский периоды рассматривались как части единого непрерывного революционного процесса, и ревизионистская, противопоставляющая сталинскую

«революцію сверху» ленинської «октябрьської» (в західній традиції названої «ноябрьської») революції.

«Теорія неперервності» розглядала сталінізм як логічне продовження революції і ленинського етапу радянської історії. Сталінізм явився найбільш логічним продовженням лєнінізму, його теоретичної концепції і політичної практики. В основних чертах лєнінізм і сталінізм представляли собою єдине ціле. Так, в збірнику «Преемственность и изменчивость в русском и советском мышлении», випущеному в Кембриджі в 1955 г., Т. Хаммонд писав, що аналіз відносин лєнінського періоду показує, що, хоча радянський авторитаризм досягає крайньої форми при Сталіні, основа його закладена значно раніше Лєніним. А. Улам, задаючи питання про те, з допомогою якої політичної сили Сталін зайняв пануюче положення в суспільстві, відзначав, що відповідь необхідно шукати, перш за все, в характері більшовицької партії в лєнінські роки. М. Фейнсод підкреслював, що Т. Хаммонд і А. Улам приходять до висновку, з яким він повністю згоден: хоча радянський тоталітаризм досягає крайньої форми при Сталіні, його основа була закладена Лєніним [1, 145, 160, 175].

Цель. Прослідити процес переходу до комплексного описанню революційних подій 1917 г. і багатобічному аналізу взаємозв'язку лєнінського і сталінського періодів радянської історії в класическій англо-американській історіографії.

Изложение основного материала. Ідея неперервності, майже ідентичності радянської історії, не обмежувалася одним періодом часу або однією областю дослідження. Вона застосовувалася до всіх сторін життя радянського суспільства. Авторів досліджували, наприклад, такі проблеми, як культ вождя або масові репресії в сталінські роки, і знаходили їм частинне пояснення в лєнінських методах політичного лідерства і управління партією. Наприклад, А. Улам вважав, що «після своєї перемоги в Октябрі комуністическая партія почала рух до тоталітаризму» [2, 48]. Навіть Е. Карр і І. Дойчер, не розділяючи антипатію більшості радєологів до більшовизму і маючі власні погляди на багато аспектів радянської історії, погоджувалися з ідеєю неперервності розвитку лєнінського і сталінського періодів. Е. Карр писав про те, що «Сталін продовжив і розвів лєнінізм» [3, 214]. І. Дойчер, незважаючи на визнання багатьох «відмінностей лєнінської і сталінських фаз радянського режиму», вважав, що сталінізм «продовжує лєнінську традицію».

Англо-американська література 1950–1960-х гг. давала велику кількість прикладів точки зору, відзначаючи, що сталінська перемога була не перемогою особистості, а триумфом символу, людини, який втілював і правила лєнінізму, і методи їх виконання. А. Мейер писав, що сталінізм може і повинен бути визначений як зразок мислення і дії, прямо випливаючих з лєнінізму. Д. Тредголд вважав сталінський режим логічним наслідком панування однопартійної олігархії, прагнув будувати соціалізм в країні, яка не була до цього готова. Д. Решетар, знаходячи відмінності між лєнінізмом і сталінізмом достатньо суттєвими, все-таки відзначав, що вони відходять на другий план перед тим, що є загальним. Лєнін заклали основи, які були розвинуті Сталіном і логічно завершилися «великими чистками», т. є. масовими репресіями [4].

Фактором, сприятливим закріпленню теорії неперервності як якості пануючої в англо-американській історіографії, була її близькість до концепції тоталітаризму, залишеної базовою для західної політичної думки майже впродовж 20 років. Дискусії, які виникали при інтерпретації радянської історії, торкалися лише окремих аспектів, формулювань і не виходили за межі теорії тоталітаризму. В ці роки історія і політологія були майже єдині в англо-американській радєології. В межах розглянутого нами питання терміни «тоталітаризм» і «сталінізм» для сторонників ідеї неперервності практично злилися. Тоталітарна школа підтримувала ідею

непрерывности в развитии советского общества и внесла свой весомый вклад в поддержку этой идеи в академических кругах Запада. Теоретик тоталитаризма Х. Арендт в 1967 г. оценивала уверенность в неразрывной преемственности советской истории как господствующую тенденцию западного мышления [5, 345]. Р. Такер отмечал, что должно было пройти длительное время, прежде чем западные историки пришли к пониманию необходимости анализировать сталинизм не только как следствие ленинизма, но и как самостоятельное явление [6, 77].

В 1950–1960-е гг. сталинский период в англо-американской историографии рассматривался скорее единым целым, практически не изменявшимся в течение времени, чем феноменом, имевшим собственную эволюцию. 1930-е гг. оценивались как время, когда большевистская, а не только сталинская система достигла зрелости и завершенности. Западные советологи воспринимали официальную доктрину как идеологию всего населения, зачастую не учитывая существенную разницу между официальной пропагандой и реальной жизнью, а процессы в советском обществе объясняли «внутренней тоталитарной логикой». Внимание в первую очередь фокусировалось лишь на некоторых аспектах советской истории – действиях руководства, государственном и партийном аппарате. Всем этим составляющим сталинской системы находились аналогии в предшествующих периодах советской истории. Так, Р. Слассер писал, что принятие тезиса о том, что ленинская политика напрямую привела к сталинской, вызвала у многих западных исследователей иллюзию, что проблема исторических корней сталинизма уже решена и больше не требует серьезного анализа [7, 1393].

В 1960-е гг. безраздельное господство теории непрерывности стало вызывать критические отклики в среде западных исследователей. Дж. Хаф считал первую половину 1930-х гг. «большим отступлением» (термин Н. Тимашеффа). Режим не только преследовал радикальных марксистов, но и отказывался от программ, с которыми они ассоциировались [8, 242, 302]. Целый ряд ученых, принадлежащих к англо-американской исторической школе, в той или иной форме отклоняли тезис о непрерывности. Среди них можно назвать Р. Такера, А. Рабиновича, С. Коэна, М. Левина. Эти авторы не соглашались с выводом о безальтернативности развития советского общества, концентрировали внимание в своих исследованиях на переломных моментах в истории СССР и большевистской партии. Они признавали, что элементы преемственности между Октябрьской революцией, ленинизмом и сталинизмом существуют, считали это очевидным, но предлагали не ограничиваться констатацией общего, находить не только сходства, но и различия в разных периодах советской истории. М. Левин и С. Коэн, писали с симпатией о большевизме и революции, указывая на базовые расхождения ленинского и сталинского периодов советской истории и считая сталинизм отклонением от правильного пути [9].

М. Левин считал, что историк не должен использовать абстрактное понятие «большевистское (или коммунистическое) мышление», поскольку большевизм прошел стадии в своем развитии, менялся в зависимости от обстоятельств, и этот термин бессмысленно использовать вне исторического контекста [10, 73]. Позицию М. Левина, считавшего сталинизм «не столько прямым результатом большевизма, сколько автономным и параллельным феноменом, и в то же время могильщиком большевизма», поддерживал и Р. Дэниелс, писавший, что сталинский режим очень недолго представлял то движение, которое взяло власть в 1917 г. [11, 9].

Р. Такер в теории непрерывности подверг ревизии именно тот аспект, который казался большинству советологов абсолютно ясным и устоявшимся. Р. Такер подчеркивал существенные отличия советской политической системы в 1930-е гг. по сравнению с предшествующими периодами. Большевистская система, на его взгляд, была однопартийной диктатурой с олигархическим руководством правящей партии. Хотя в 1930-е гг. политическая система сохраняла многие традиционные для большевиков организационные формы, она базировалась не на власти партии, а на власти личности. Был совершен переход от олигархического партийного к автократическому вождистскому режиму. Власть продолжала употреблять привычную терминологию — партия, лидер, террор, марксизм, чистки и т. д., но термины принципиально изменили свое реальное содержание.

Р. Такер интерпретировал сталинскую «вторую революцию» через долговременную репрессивную традицию российского государства, рассматривал русских царей, прежде всего Ивана Грозного и Петра I, как исторических предшественников Сталина и создателей модели автократического, централизованного, бюрократического государства, в котором репрессивная власть контролировала покорное население [12, 23, 55–56].

Такой взгляд принципиально расходился с позицией сторонников тоталитарной теории, которые подчеркивают приоритет других факторов в становлении сталинизма. Так, М. Малиа в книге «Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991» счел необходимым обратить первостепенное внимание на идеологию и политику, а не на социальные и экономические силы для понимания советского феномена. Он писал, что тоталитарная природа коммунизма не может быть объяснена продолжением традиций российского авторитаризма или восточного деспотизма. Коллективистский характер советского общества не может рассматриваться как продолжение российских общинных отношений. С его точки зрения, очень трудно найти взаимосвязи между старой и новой Россией в проводимой большевиками политике. Зато истоки этой политики легко найти в социалистических идеях ленинской партии [13, 143].

Подобную точку зрения в 1990-е гг. подтвердил и Р. Конквест, писавший в работе «Сталин: Разрушитель наций», что весь период сталинского пребывания у власти можно рассматривать как череду попыток привести реальный мир в соответствие с идеологическими фантазиями, а затем, когда это не удавалось, попыток навязать убеждение, что фантастический мир все-таки стал реальностью [14, 323].

Выводы. Дискуссия англо-американских исследователей революции 1917 г. и советской истории продолжается до сегодняшнего дня. На первый план выходят вопросы о социальной базе революции и большевизма, объективных и субъективных составляющих революционного процесса. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на стремление историков уйти от упрощенных ответов на действительно трудные вопросы. Долгое время советская и западная исследовательские традиции, отличаясь почти по всем аспектам, были едины в одном – убеждении, что каждая из них располагает окончательным объяснением российского (советского) революционного процесса. Советские историки объясняли успех Октябрьской революции исторической неизбежностью и наличием сплоченной революционной партии во главе с Лениным. Западные ученые рассматривали это событие либо как историческую случайность, либо как результат хорошо подготовленного государственного переворота, не имевшего значительной поддержки масс. Однако, как отмечал один из наиболее авторитетных исследователей истории Октября А. Рабинович «исчерпывающее объяснение захвата большевиками власти намного сложнее, чем любая из этих предлагаемых интерпретаций» [15, 13].

Новая составляющая современной историографической ситуации связана также с отменой искусственных барьеров, препятствовавших плодотворному общению западных исследователей с коллегами из новых «постсоветских» государств, издании переводов работ зарубежных историков, организации международных конференций, реализации совместных проектов. При этом отметим, что определение баланса между общим и противоположным в истории революции является одной из самых сложных проблем, с которыми сталкиваются исследователи советской истории.

Список использованной литература

1. Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. – Cambridge, 1955.
2. Ulam A. The New Face of Soviet Totalitarianism. – Cambridge, 1963.
3. Carr E. Studies in Revolution. – New York, 1964.
4. Daniels R. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960; Meyer A. Leninism. Cambridge, 1957; Reshetar J. A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. New York, 1964; Treadgold D. Twentieth Century Russia. Chicago, 1972.

5. Arendt H. Comment on Ulam Adam «The Uses of Revolution» // *Revolutionary Russia*. – Cambridge, 1968.
6. Tucker R. *Revolution from Above*. // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. – New York, 1977.
7. Slusser R. A Soviet Historian Evaluates Stalin's Role in History // *American Historical Review*. 1972. December.
8. Hough J. *The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System* // *Cultural Revolution in Russia, 1928—1931*. – Bloomington, 1978.
9. Cohen S. *Bukharin and the Bolshevik Revolution; A Political Biography, 1888—1938*. New York, 1973; Lewin M. *Lenin's Last Struggle*. New York, 1968; Lewin M. *Political Undercurrents in Soviet Economic Development: Bukharin and the Modern Reformers*. Princeton, 1974.
10. Lewin M. *Stalinism — Appraised and Reappraised* // *History*. 1975. Vol. 60.
11. Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. – New York, 1985.
12. Tucker R. *The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change* / Rev. ed. – New York, 1971.
13. Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917—1991*. – New York, 1994.
14. Conquest R. *Stalin: Breaker of Nations*. – New York, 1991.
15. Рабинович А. *Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде* : пер. с англ. / Александр Рабинович ; общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. – Москва : Прогресс, 1989.

References

1. *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*. Cambridge, 1955.
2. Ulam A. *The New Face of Soviet Totalitarianism*. Cambridge, 1963.
3. Carr E. *Studies in Revolution*. New York, 1964.
4. Daniels R. *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*. Cambridge, 1960; Meyer A. *Leninism*. Cambridge, 1957; Reshetar J. *A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union*. New York, 1964; Treadgold D. *Twentieth Century Russia*. Chicago, 1972.
5. Arendt H. Comment on Ulam Adam «The Uses of Revolution» // *Revolutionary Russia*. Cambridge, 1968.
6. Tucker R. *Revolution from Above*. // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York, 1977.
7. Slusser R. A Soviet Historian Evaluates Stalin's Role in History // *American Historical Review*. 1972. December.
8. Hough J. *The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System* // *Cultural Revolution in Russia, 1928—1931*. Bloomington, 1978.
9. Cohen S. *Bukharin and the Bolshevik Revolution; A Political Biography, 1888—1938*. New York, 1973; Lewin M. *Lenin's Last Struggle*. New York, 1968; Lewin M. *Political Undercurrents in Soviet Economic Development: Bukharin and the Modern Reformers*. Princeton, 1974.
10. Lewin M. *Stalinism — Appraised and Reappraised* // *History*. 1975. Vol. 60.
11. Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York, 1985.
12. Tucker R. *The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change* / Rev. ed. New York, 1971.
13. Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917—1991*. New York, 1994.
14. Conquest R. *Stalin: Breaker of Nations*. New York, 1991.
15. Rabinowitch A. (1989) *The Bolsheviks Come To Power: The Revolution of 1917 in Petrograd* (in Russ.)

Šmigel' Michal, Menkouski Viachaslau. LENINISM AND STALINISM: GENERAL AND OPPOSITE IN THE ASSESSMENTS OF ANGLO-AMERICAN CLASSICAL SOVIETOLOGY

Abstract

Introduction. One of the most debated issues in the Anglo-American academic community was the question of the implementation of the October Revolution's ideas, the real embodiment of declared principles, compliance (or no compliance) of Soviet practice and revolutionary theory, on the general and opposite features of Lenin's and Stalin's periods of Soviet history.

Purpose. Consider the process of transition to a comprehensive description of the revolutionary events of 1917 and the multilateral analysis of the relationship of the Leninist and Stalinist periods of Soviet history in the classical Anglo-American historiography.

Methods. In classical Western Sovietology 1950s – 1980s. there were two basic concepts of Soviet history, preserving influence in the world historiography until today – totalitarian, in which Lenin's and Stalin's periods were considered as part of one continuous revolutionary process, and revisionist, opposes Stalin's "revolution from above" to Lenin's "October" (in the Western tradition called "November") revolution.

Results. The debate of Anglo-American researchers the 1917 revolution and Soviet history continues to this day. The main issues are the social base of the revolution and of Bolshevism, both objective and subjective components of the revolutionary process. "The theory of continuity" regarded Stalinism as a logical continuation of the revolution and the Leninist stage of Soviet history. "Revisionists" attempted to redefine the totalitarian concept and the idea of linear development from Bolshevism to Stalinism.

Originality. First of all we would like to draw attention to the tendency of historians to get away from the simplistic answers to the really tough questions.

Conclusion. For a long time Soviet historians have attributed the success of the October Revolution as the historical inevitability based on the existence of united revolutionary party led by Lenin. Western scholars have considered this event as either a historical accident or as the result of a well-prepared coup, did not have a significant support of the masses. Determining the balance between the general and the opposite in the history of the Revolution is one of the most difficult challenges faced by researchers of Soviet history.

Key words: 1917 Revolution, Leninism, Stalinism, Bolshevism, Anglo-American Sovietology, Methodology of Historical Research, Historiography.

Одержано редакцією 10.02.2017
Прийнято до публікації 02.05.2017

УДК 323.27.01

О. І. Сич

доктор історичних наук, професор,
завідувач кафедри історії нового
та новітнього часу
Чернівецького національного університету
ім. Ю. Федьковича
e-mail : o.sych@chnu.edu.ua

МЕТАМОРФОЗИ ПОНЯТТЯ «РЕВОЛЮЦІЯ» В КОНТЕКСТІ ПОЛІТИЧНИХ І СОЦІОКУЛЬТУРНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ НА МЕЖІ ХХ– ХХІ ст.

У статті розглянуто зміст поняття «революція», запропоновано критичний аналіз подій кінця ХХ–ХХІ ст. у країнах Центрально-Східної Європи.

Ключові слова: революція, Східна Європа, «кольорові революції», «соціологія революцій».

Постановка проблеми та виклад основного матеріалу. Впродовж майже всього ХХ ст. зміст терміну «революція» визначався (і відповідно використовувався), насамперед, представниками академічної науки. Ставлення до революцій як помітного феномену в історії доби Нового часу було діаметрально протилежним у науковому та політичному дискурсі країн соціалістичного блоку, з одного боку, та країнах Заходу, з іншого. У перших офіційна ідеологія розглядала революції як основний механізм оновлення суспільства, як найбільш повну форму суспільного прогресу (згідно відомому марксистському постулату – «революції – локомотиви історії»), тобто оцінювалися як, безумовно, позитивне явище. У західних країнах, за окремими винятками, панувало рішуче неприйняття революцій та категоричне заперечення будь-якої позитивної їх ролі в історичному процесі. Більш того, виокремився особливий напрямок наукових досліджень – «соціологія революцій»; його представники, активно застосовуючи кількісні (квантитативні) методи, намагалися ретельно вивчити причини, характер, підсумки та наслідки революцій, склад їх учасників (рушійних сил), динаміку та внутрішню логіку розвитку тощо, щоби, узагальнивши всі складові, закономірності та особливі риси буквально всіх революцій, що трапилися в історії, сформулювати конкретні рекомендації (насамперед, для правлячих еліт) як запобігти виникненню революцій.